

108

GEO

№04(181)
АПРЕЛЬ 2013
15 ЛЕТ В РОССИИ

АРКТИКА

Гонка за сокровищами

А также:
русский Париж,
война за сайгака,
Николай Вавилов

БИТВА ЗА САЙГАКА

В прикаспийских степях идет война. Одни загоняют до смерти маленькую антилопу ради ее рогов. Другие охотятся на «охотников». Между тем популяция сайгака стремительно уменьшается и вот-вот исчезнет

Текст: Данил Литвинцев
Фото: Сергей Капtilкин

КАРТА ЗЕМЛЕПОЛЬЗОВАНИЯ
ЛИМАНСКОГО РАЙОНА
АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Анатолий Хлуднев, директор заказника «Степной», показывает на карте ареал европейской популяции сайгака. Участок степи площадью в пол-Петербурга патрулируют восемь инспекторов

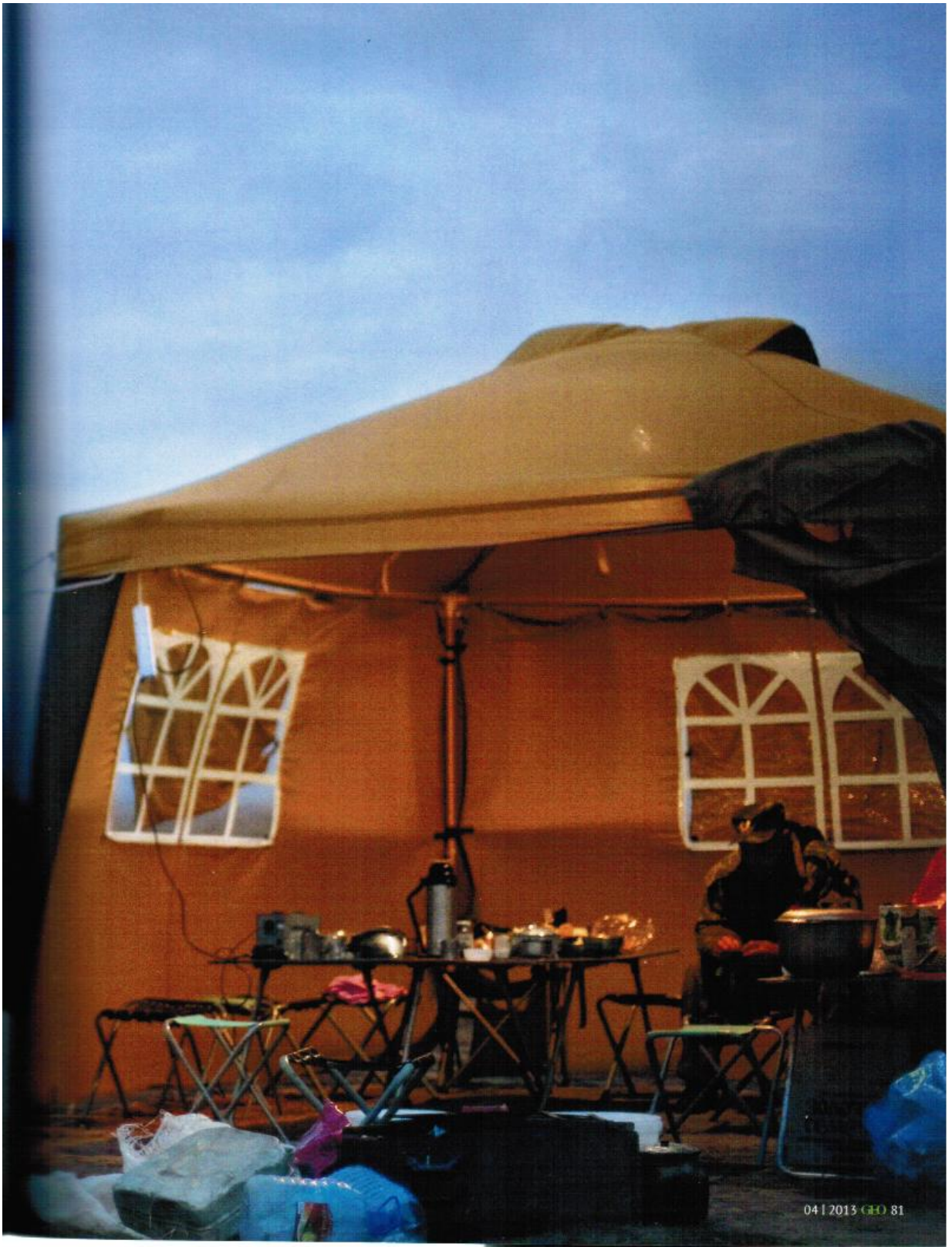

Сайгаки в вольере питомника «Яшкульский». Здесь, в 70 километрах от Элисты, ученым удастся успешно разводить антилоп в полудиких условиях

Шатер в степи. Во время гона или отела сайгаков на дежурство в «Степном» выходят все восемь инспекторов. Их работа координируется из полевого штаба, где есть все необходимое для автономной жизни: палатки, электрогенератор, радиостанция, газовая плитка, питьевая вода

Инспектор «Степного» Алексей Ткачев готовится к патрулированию. Каждый день в заповедной степи дежурит экипаж из двух человек — водителя и мотоциклиста

Теплый сентябрьский вечер. По выжженной солнцем степи несутся два мотоцикла. Ветер разносит грохот моторов на километры вокруг. Шипованные колеса «проглатывают» кочки с частотой автоматной очереди, оставляя позади шлейф пыли... Мотокросс? Больше напоминает гонку на выживание: догоняющий мотоциклист бросает кусок цепи в колесо соперника. Промахивается. Бросает второй раз. Цепь со звоном отскакивает от металлической защиты. Не дожидаясь третьего броска, передний вдруг притормаживает, закладывает крутой вираж и валится на бок прямо под колеса преследователя...

Следователи потом подсчитают, что сидевший за рулем догонявшего мотоцикла Вячеслав Зимин, инспектор природного заказника «Степной», пролетел от места столкновения сорок два шага, несколько раз ударившись о землю головой и спиной. После падения 42-летний Зимин потерял

сознание. Подрезавший его браконьер уцелел. Он вытащил из инспекторского карабина все патроны, вскочил на мотоцикл и умчался в сторону темнеющего на горизонте стада овец.

Кто поспорил этих людей? Главный старожил здешних мест — маленькая антилопа сайгак. Браконьеру потребовалась пара часов, чтобы найти в безбрежной степи стадо этих грациозных животных. И меньше десяти минут, чтобы отбить сильного самца-рогала от сородичей и превратить его в затравленного изможденного зверя. Мотоциклист гнал животное на скорости 80 километров в час. Когда сайгак, тяжело дыша, рухнул на землю, преследовавший его человек слез с мотоцикла, достал кухонный нож и перерезал ему горло. В этот момент из-за холма послышался треск инспекторского «Кавасаки».

Этот случай произошел в сентябре 2008 года. Вячеслав Зимин в результате падения травмировал позвоночник, провел полгода в больнице, но все-

таки вернулся к работе инспектора заказника. Браконьера, за которым охотились, нашли через несколько дней. 34-летний мужчина отсидел три года в тюрьме и уже вышел на свободу. А численность сайгака в российских степях с тех пор снизилась более чем в два раза. И приблизилась к критической отметке в 3500 голов, после которой восстановление популяции естественным путем уже невозможно.

Сайгак, или сайга, — единственный вид антилоп, встречающихся в Европе. Впрочем, из-за своеобразного облика многие зоологи склонны относить их к отдельному подвиду. Размером с немецкую овчарку, весом до 40 килограммов, на тонких, увенчанных острыми копытцами ножках, с типичным антилопьем сидузтом, это животное может похвастаться довольно внушительным, нависающим над губами... «хоботом». Будто природа, создавая сайгака, перепутала антилопу со слоном.

250 тысяч лет назад, когда сайгаки уже бродили по тундростепям от Аляски до Монголии, подобных «смесей» в царстве зверей было предостаточно: «волосатый слон» мамонт, гигантский олень с рогами лося, бобр размером с медведя... Многие из этих животных, представители так называемой мамонтовой фауны, вымерли. Сайгак уцелел. С густым подшерстком и длинными ноздрями, согреваемыми проходящим через них холодный воздух, сайгак отлично приспособился к суровым условиям ледникового периода. Вполне комфортно он себя чувствует и в нынешнем резко континентальном климате евразийских степей.

Ровесник мамонтов, сайгак пережил Великое оледенение, засухи и землетрясения. Но теперь оказался на грани вымирания по той же причине, что и когда-то, возможно, мамонты, — из-за непомерного аппетита людей. «Каждый день из окрестных сел выезжало по восемь-десять охотников. Гоняли по степи на мотоциклах и машинах, домали себе

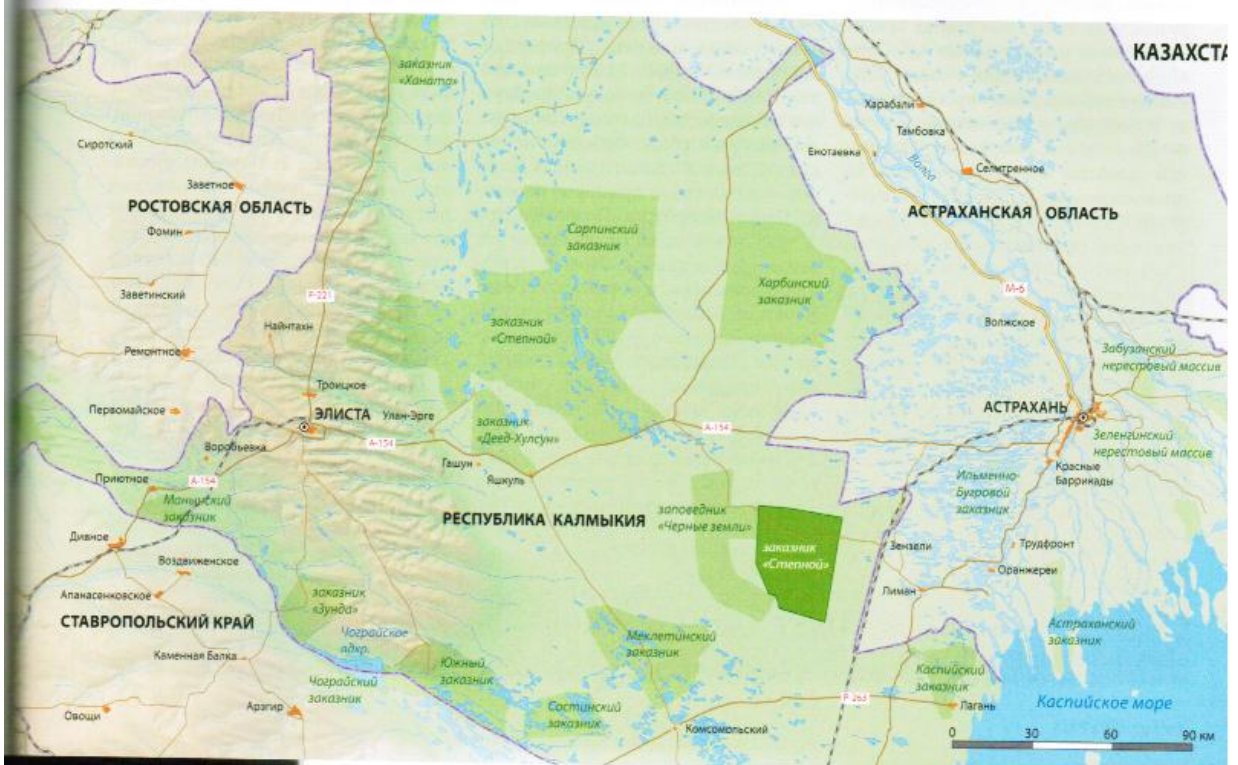
шеи, стреляли сайгака — попадали друг в друга! Здесь творилась настоящая бойня, и никому до этого не было дела!» — вспоминает 60-летний Анатолий Хлуднев, высокий мужчина в камуфляжной форме с погонами подполковника, сжимающий огромными руками руль старой «Нивы».

Зеленая, покрытая пылью машина давно съехала с асфальтированного шоссе Астрахань — Элиста и теперь ныряет в ямы на проложенной по степи колее. Вокруг, до самого горизонта, простирается безрадостный пейзаж: редкие пучки жесткой травы чернобыльника торчат из мелко-го песка, который взматывается темными тучами при малейшем дуновении ветра. Черные земли. Так эти места

называли местные кочевники — калмыки и ногайцы, подразумевая, что безводная эта земля совершенно непригодна для жизни человека. Но как нельзя лучше подходит для скота — поросшие травой темные проталины виднеются на степных холмах даже в самые лютые снежные зимы. Сейчас часть этой территории занимает заповедник «Черные земли».

Анатолий Хлуднев родился и большую часть жизни провел здесь, на юго-западе Астраханской области, между обширными камышовыми зарослями дельты Волги и еще более необъятными степями Прикаспийской низменности. Как и большинство здешних мужчин, он еще в детстве стал заядлым охотником и рыболовом. Когда, будучи школьником, он

Черные земли подходят для копытных, но не для человека

Ровесники мамонтов, сайгаки пережили Великое оледенение и приспособились к суровым условиям жизни в сухих степях. Но в двадцать первом веке оказались на грани вымирания из-за жадности людей.

✦ только учился стрелять из отцовского ружья, в волгодонских степях бродило не менее полумиллиона сайгаков. Многочисленные стада можно было увидеть на огромных пространствах от Волгограда и Ростовской области до Дагестана и Астрахани. Охотничьи хозяйства получали лицензии на промышленную заготовку сайгачьего мяса. «В 1960-х баранина и говядина стоили два сорока — три штыдесят, а сайгачатину продавали в магазинах по девяносто копеек за килограмм! Это было самое дешевое мясо!» — вспоминает Хлуднев. При этом поголовье сайгака во всем СССР стабильно держалось на уровне 850 тысяч голов.

Но когда подполковник Хлуднев в 1990-х вышел в отставку и мечтал, как будет обучать охотничьим премудростям внуков, оказалось, что стрелять в родных степях скоро будет некого.

Перепрыгнув насыпь, скрывающую трубы газопровода, «Нива» проезжает мимо вывески: «Природный заказник «Стенной». Охота запрещена». Летом 2000 года Анатолий Хлуднев со знакомым трактористом менее чем за сутки обнес «забором» из таких табличек 87 тысяч степных гектаров — по площади примерно половина Санкт-Петербурга. Правительство Астраханской области объявило эти земли заповедными. Новый заказник, директором которого назначили Хлуднева, вплотную примкнул к границам созданного в 1990 году в Калмыкии заповедника «Черные земли». Оба природных резервата преследуют одну цель — сохранить российскую популяцию сайгака. Ареал, который за тридцать лет сжался с необъятных тысяч квадратных километров до тех самых степных гек-

таров на границе Астраханской области и Калмыкии. Куда ушел сайгак из российских степей?

«Куплю старые сувенирные рога сайгака. Дорого». Такими объявлениями заклеены все углы в Элисте, столице Калмыкии. Набираешь указанный номер, и покупатель называет цену — тысяча рублей за рог. Но тут же оговаривается: «Маленькие рога или плохие — с трещинами или мраморным отливом — стоят дешевле». На вопрос, куда везти товар, мужчина отвечает, что подьедет сам. Происхождение рогов его не интересует.

Для республики, бюджет которой на 60 процентов дотируется из федеральной казны, тысяча рублей — хорошие деньги. А слова «старые, сувенирные» служат лишь прикрытием для нелегального бизнеса. Самые желанные здесь как раз свежие рога сайгаков-самцов. Закрученные спиралью, полупрозрачные, будто из воска. Их увозят за тысячи километров от Элисты — в Китай. Там, на прилавках аптек, их выставят уже по семь-десять тысяч долларов за кило-

**В России рога стоят 1000 рублей,
а в Китае — уже 7000 долларов**

грамм — столько весят три-четыре рога. По словам Хлуднева, скупщики из России и Казахстана ездят по деревням, предлагают охотникам мотоциклы при условии: «Отработаешь сезон по сайгаку — мотоцикл твой». Полиция их не трогает: покупка рогов антилопы в России не запрещена, а продавец всегда может заявить, что нашел рог в степи. Лишь изредка груз задерживают на границе. В феврале 2012 года на КПП «Курмангазы» на границе Казахстана и Астраханской области казахские таможенники обнаружили сумку с 171 рогом. По словам контрабандистов — граждан Казахстана, успешно пронесших товар через российский кордон, — они купили эти рога в Астрахани, а перепродать собирались в Чимкенте, недалеко от китайской границы.

В традиционной китайской медицине порошок из рога сайгака считается верным средством для лечения гипертонии, эпилепсии, последствий инсультов. Миллионы китайцев готовы платить тысячи юаней за натуральные снадобья. Но в стране диких антилоп давно не осталось. Основные поставщики — Россия и государства Средней Азии. При этом охота на сайгака запрещена всюду. В России браконьеру, убившему одну антилопу, грозит штраф до 100 тысяч рублей. За убийство двух и более — тюрем-

ный срок до пяти лет. Но браконьеров это не останавливает.

«Когда-то сайгака били только из-за мяса. Во дворах промышленных хозяйств высились горы рогов — никто не думал их продавать, — продолжает Анатолий. — В 1990-х границы открылись, в это время многие в деревнях остались без работы. Тут-то и появились скупщики с предложением легкого заработка».

Сразу изменилась технология охоты. Браконьеры отказались от огнестрельного оружия, нахождение с ружьем в заповеднике — уголовное преступление; пересели на мотоциклы — так легче загнать рогаля. А добить его можно кухонным ножом.

Десять лет назад восходящее над «Черными землями» солнце каждое утро освещало результат ночной «охоты» местных жителей: десятки вздувшихся сайгачьих туш с двумя кровавыми пятнами между ушей. Мясо «охотники» в спешке оставляли. Главным трофеем стали два витых рога, спиленные обычной пилой.

Степь безлюдна. И лишена ориентиров. Но это только на первый взгляд. «Во-о-он вышка, старый триангуляционный знак, — показывает рукой Хлуднев на еле заметную на горизонте пирамидку, сваренную из ржавых железок, — нам нужно оставить его справа. А вон старый столб торчит, он должен быть позади. Мы

там устроили гнездо для орла». Есть еще холмы, колеи в траве и, в конце концов, солнце и звезды. Ориентируясь по таким «указателям», Хлуднев подъезжает к месту, где его «Нива» посреди плоской степи неожиданно ныряет в «воронку» — будто поросший зеленой травой кратер, скрывающий микроавтобус УАЗ с длинной антенной и стоящий наготове зеленый кроссовый мотоцикл.

Директора встречают двое мужчин в камуфляже: его родной брат 55-летний Владимир и 46-летний Вячеслав Зимин. Они лежат на краю своего «окоша» и, упершись локтями, осматривают в бинокли горизонт.

Еще затемно, выключив фары на машине и одев приборы ночного видения, Владимир с Вячеславом пробрались на свой пост — одно из многих естественных углублений в степи, расположение которых инспекторы знают как свои пять пальцев. Они сидят в этой «яме» уже сутки, дежуря по очереди, отдыхая и кипятя чай прямо в машине. И проведут здесь еще 48 часов.

Каждый день в заказнике дежурит как минимум один экипаж инспекторов — водитель УАЗа и мотоциклист. В ответственные дни, весной, во время отела или когда заходит большое стадо сайгаков, директор объявляет «мобилизацию» — на дежурство выходят все восемь. Хлуднев, коман-

Барханы в степи появились из-за нерегулируемого скотоводства. Анатолий Хлуднев отлично ориентируется среди песков и однообразных травянистых равнин

Астраханская степь охраняется на деньги американских спонсоров

дованный в армии мотострелковым полком, уверен: ослабь «разведку» хоть на день, «охотники» поспешат этим воспользоваться.

«Мы пересели с машин на мотоциклы, на другом транспорте за браконьерами не угнаться. У нас есть боевое оружие, рашии, приборы ночного видения. Здесь идет настоящая война», — говорит Анатолий Хлуднев.

Один из его «бойцов», Вячеслав Зимин, сел на мотоцикл сразу же, как вышел из больницы после мотопоединка в 2008-м. «Страха не осталось. Но теперь, когда вижу в степи другого мотоциклиста, чувствую, как волосы на затылке встают дыбом», — смеется Зимин, натягивая на тело пластиковые штитки. В тот сентябрьский вечер 2008 года, когда он лежал под степным небом с трещиной в позвоночнике, никаких штитков под его камуфляжной формой не было.

Профессиональная мотоциклетная защита для людей, каждый день рискующих головой на степном без-

дорожье, — недавний подарок одного из природоохранных фондов. Как и четыре старых японских мотоцикла и три «уазика». «Государство нам помогало лишь этим, — показывал Хлуднев днем ранее на проржавевший до дыр УАЗ. — А годового бюджета, выделяемого на бензин, хватает только на два месяца».

У заповедников и заказников в России сегодня два способа выжить, признается директор «Степного»: либо брать взятки, либо сотрудничать с природоохранными общественными организациями. Все машины, мотоциклы и даже бинокли инспекторов «Степного» пестрят логотипами зарубежных организаций: Международного фонда защиты животных (IFAW), ЮНЕСКО, Народного фонда опеки редких видов (PTES). Первый в 2012 году выделил «Степному» около миллиона рублей на покупку нового УАЗа, топлива и запчастей. «Без помощи IFAW мы не смогли бы патрулировать степь так часто — нам просто не на что было бы покупать бензин», — признается Хлуднев.

Деньги на заправку машин астраханских рейнджеров собирают американские и европейские частные лица и компании. В России IFAW не занимается поиском спонсоров главным образом из-за сложности налогового законодательства. «Благотворительность в России сейчас быстро развивается, — говорит представитель российского офиса IFAW Елена Жаркова. — Но социальных проблем так много, что, выбирая, кому помочь — китам или детям, люди охотнее помогают детям».

Устроившись на краю «ямы» вместе с инспекторами, Анатолий Хлуднев осматривает травянистую низменность. «В декабре 2006 года на этой равнине было не менее двадцати тысяч голов сайги, — рассказывает Хлуднев, не отрываясь от бинокля. — Это было

время гопа, самцы дрались за самок, и все гигантское стадо медленно двигалось на восток, не обращая на меня никакого внимания».

Зоологи, изучающие сайгаков, прозвали центральную часть заказника, за которой сейчас наблюдают инспекторы, «сайгачьим роддомом». Привлекаемые сочной травой, антилопы приходят сюда в конце осени. Самцы, головы которых увенчаны острыми рогами, начинают сражаться за самок, создавая гаремы. В декабре происходит спаривание — каждый самец-рогаль оплодотворяет десять-двадцать самок. Нередко мужские обязанности настолько выматывают рогатей, что те, обессиленные, замерзают или становятся добычей волков. А беременные самки, прокочевав всю зиму по степи, возвращаются в богатый травмами «роддом» в мае, чтобы произвести на свет одного-двух сайгачат.

Анатолий Хлуднев опускает бинокль и признается: после того памятного дня в декабре 2006 года он не видел такого скопления сайгаков никогда в жизни. Сколько антилоп осталось в российских степях?

«Сказать точно нельзя», — два дня спустя разводит руками Виктор Дорджиев, начальник отдела по охране сайгака минприроды Калмыкии. Чиновник сидит за письменным столом в белоснежной рубашке и строгим костюмом, но обветренное лицо и стоящие у стола две мягкие канистры с топливом говорят о недавнем рейде по степи. «Полноценный мониторинг численности сайги — с использованием радиопередатчиков, малой авиации и спутниковой съемки не ведется. Потому что у республики нет денег. Мы пользуемся лишь экспертными оценками — результатами учета с автотранспорта, — продолжает Дорджиев. — В заповеднике «Черные земли» говорят о десяти тысячах голов. На мой взгляд, это слишком оптимистично, мы насчитываем не более семи-восьми тысяч».

По тем же экспертным оценкам, в 1996 году в российских степях бегало 260 тысяч сайгаков, в 2001-м — 18 тысяч. В 2012-м... единого мнения нет, но скорость снижения численности от этого не менее пугающая.

ВКРАТЦЕ

1) Бизнес на рогах

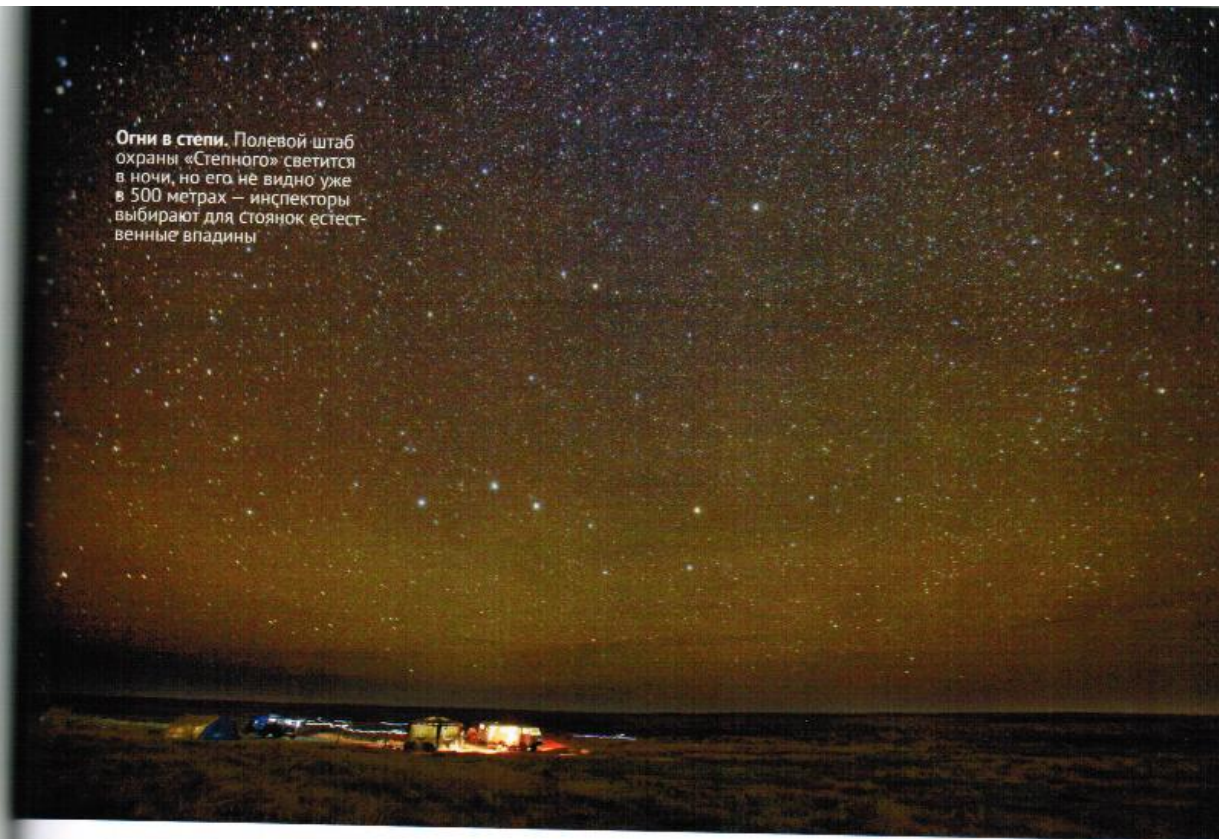
Российская популяция сайгака стремительно сокращается из-за браконьерства. Животных убивают ради рогов, применяемых в китайской медицине.

2) Брать взятки или работать с иностранцами

Заказникам не хватает средств на учет сайгаков и патрулирование степи. Деньги на транспорт и оборудование дают международные фонды и зарубежные компании.

3) Одна степь — два хозяина

Антилопы живут на границе Калмыкии и Астраханской области. Два региона не могут договориться о единой системе охраны.

Огни в степи. Полевой штаб охраны «Степного» светится в ночи, но его не видно уже в 500 метрах — инспекторы выбирают для стоянок естественные впадины

«Три с половиной тысячи голов осталось, не больше, — выносит приговор Анатолий Хлуднев, сидя в засаде. — Если я у себя насчитаю пять тысяч голов, а через неделю в заповеднике объявят столько же, это не значит, что у нас десять тысяч сайгаков. Популяция одна, мы считаем одних и тех же животных, которые не знают про границы».

В 300 километрах от «ямы», в которой прячутся инспекторы, среди вытоптанного поля светлеют десятки белобурых пятен. Так выглядит небольшое стадо — 120 голов, которые живут на огороженной территории размером с Красную площадь. Здесь, недалеко от калмыцкого села Эрмели, с 2000 года идет эксперимент по полудикому содержанию сайгака. Доктору биологических наук Юрию Арылову удалось создать питомник, где животные не только прекрасно себя чувствуют, но и успешно размножаются.

«Чтобы антилопа подошла ближе, нужно простоять без движения не

один час», — говорит Арылов, отойдя на сотню шагов от изгороди. Даже здесь, в Центре диких животных, где сайгакам ничто не угрожает, антилопы все равно держатся от людей на максимальном расстоянии — жмутся к проволочной стене забора в километре от наблюдателей. Инстинкт, который помог сайгаку пережить ледниковый период, диктует самую верную реакцию на человека — бежать.

54-летний Юрий Арылов рассказывает о технологии отлова своих подопечных. В декабре, перед началом периода спаривания, ученый планирует выпустить десять самцов из питомника в дикую заповедную степь.

Сайгаки быстро плодятся — самки становятся половозрелыми в семь-восемь месяцев и каждую весну на протяжении нескольких лет могут рожать одного-двух сайгачат. Поэтому популяция способна быстро восстанавливаться. В 1920-х, после Гражданской войны, численность сайгака в СССР упала до нескольких тысяч голов. Но после полного запрета охоты

к концу 1950-х поголовье степных антилоп выросло до 850 тысяч.

Сейчас такие рекордные показатели рождаемости вряд ли возможны. «Браконьеры бьют в основном самых сильных самцов, подрывая популяцию», — объясняет Юрий Арылов.

«Нижний порог численности сайги в Калмыкии — 3500 голов, — говорит Арылов, ссылаясь на данные Института проблем эволюции и экологии РАН. — Если упадет ниже, то мы потеряем европейскую антилопу как вид».

Что нужно, чтобы этого не произошло? «Воля государства», — выпаливает Арылов. И приводит пример соседнего Казахстана, где сайгака в 2005 году объявили национальным символом, а государство каждый год выделяет деньги на его защиту: по всей стране антилопу охраняют 140 отлично экипированных инспекторов, идет широкая просветительская работа в селах, а купля-продажа любых рогов сайгака уголовно наказуема. Результат налицо: с 2006 года ка-

Статуя Белого старца у входа в буддийский храм в Элисте. По калмыцким поверьям, Старец считался покровителем сайгаков, а сами антилопы — священными

→ захская популяция выросла в шесть раз. «У нас же нет ни полноценного учета сайгака, ни единой системы охраны», — негодует Арьлов.

В тесном кабинете республиканского отдела по охране сайгака за спиной у Виктора Дорджиева висит карта Калмыкии. Место, где сидят в засаде инспекторы «Степного», на ней окрашено в республиканский розовый цвет. Равно как и вся территория заказника — детища администрации Астраханской области.

Сайгакам в России не повезло: они поселились на стыке двух регионов, которые не могут договориться о границе. Спор восходит к 1940-м годам, когда Калмыцкую АССР расформировали, а ее земли разделили между соседями. В конце 1990-х разногласия между Элистой и Астраханью обострились из-за прокладки по спорной территории нефте- и газопроводов. В январе 2003-го президиум Высшего арбитражного суда счел незаконными притязания республики на часть Черных земель в 390 тысяч гектаров на юго-западе Астраханской области.

Как и Анатолий Хлуднев, Виктор Дорджиев возглавляет инспекцию по охране сайгака. Она действует только на территории республики. У инспекции есть один УАЗ, в 2012-м появился мотоцикл — помощь нефтяного концерна «Шелл», ведущего развед-

ку нефти в республике. Услышав про «Степной», Дорджиев морщится и бормочет, что сайгаки туда почти не заходят. Однако в заказник республиканская инспекция не заезжает, потому что там Хлуднев с боевым оружием. Обе инспекции практически не контактируют. А тем временем сайгаки и браконьеры гуляют по степи из одного региона в другой.

Анатолий Хлуднев утверждает, что последнее задержание браконьеров с составлением протокола в «Степном» было в 2009-м, с тех пор его «бойцы» лишь гоняют браконьеров-разведчиков «обратно в Калмыкию». Желющих охотиться на сайгака на территории заказника почти не осталось.

Виктор Дорджиев признается, что со времени создания республиканской инспекции в 2010 году шесть ее сотрудников не задержали в калмыцких степях ни одного браконьера. Зато в 2010-м, объявленном в Калмыкии «Годом сайгака», поймали с 19 тушами майора милиции — старшего участкового Черноземельского района республики.

В России сайгак до сих пор считается охотничьим видом, но с «нулевой» квотой — то есть юридически охота на него не запрещена, а приостановлена. Ученые Института проблем экологии и эволюции РАН готовят обоснование для включения сайгака в Красную книгу России. Минприроды обещало утвердить новую редакцию Книги еще в конце 2012 года.

Пока региональные чиновники решают, где проводить границы, а федеральные — признавать сайгака исчезающим видом или нет, Анатолий Хлуднев штурмует на «Ниве» крутой склон. С гребня бархана открывается вид на безбрежную зеленую равнину — «ничейную» степь за пределами заказника и заповедника, которую не охраняет никто. Именно здесь горизонт приходит в движение от перемещения тысяч светло-бежевых тел. Хлуднев смотрит в бинокль и после десятиминутного молчания произносит: «Сайгаки. Не менее двух с половиной тысяч голов».

Гигантская масса изящных животных спокойно движется по равнине. Реликтовые копытные, ровесники мамонтов. Возможно, последнее стадо в российских степях. ■

ЗА КАДРОМ

Корреспондент GEO **Данил Литвинцев** (слева) и фотограф **Сергей Каптылкин** четыре дня провели в степи с антибраконьерским патрулем и еще два дня ходили по кабинетам чиновников в Элисте. «Нам не удалось стать свидетелями задержания браконьеров в заказнике «Степной» — инспекторы давно не оставляют им шансов на охоту, — рассказывает Данил Литвинцев. — Но кроме заказника

остаются огромные степные пространства, где на сайгака охотятся безнаказанно. Несмотря на катастрофическое снижение численности степной антилопы, чиновников, кажется, больше интересует не сам сайгак, а кому принадлежит земля, по которой он пока еще бежит».